

Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond. Ed. by J. Priestley, V. Zali. Leiden–Boston, 2016 (Brill's Companions to Classical Reception, Vol. 6). XVI, 438 p.

Перед нами очередной коллективный труд из числа так называемых Companion'ов (о достоинствах и недостатках этого жанра нам уже приходилось писать ранее). Данный том выпущен издательством Brill и посвящен рецепции исторического труда Геродота в античности и в последующие эпохи, вплоть до наших дней. Ответственные редакторы книги – англичанка Джессика Пристли¹, ныне работающая в Австралии, и гречанка Василики Зали, ныне работающая в Великобритании (вот прекрасный пример современной глобализации).

Работа на подобную тему должна быть признана актуальной (ведь влияние Геродота на всю последующую мировую историографию колоссально) и действительно необходимой. Кто из историков не читал Геродота? Таких, наверное, нет. Многие о нем даже писали. Что же касается рецензируемого труда, то сразу, даже при беглом его просмотре, бросаются в глаза черты, роднящие его с другими Companion'ами, а именно: неровный состав приглашенных авторов и недостаточно продуманная структура книги.

С этого последнего момента мы и начнем. Нам представлялось бы оптимальным рассматривать материал в хронологическом порядке, а тут нам предлагают совершать «скачки», допустим, от восприятия Геродота во Франции эпохи Возрождения к эллинистическим лексикографам или от современного языковедения к «Киропедии» Ксенофонта. Но подробнее обо всем этом ниже.

Книга открывается введением (с. 1–14), написанным двумя ее редакторами. В нем обозначаются основные принципы издания («Мы просили авторов рассматривать рецепцию как сочетание различных процессов, таких как переработка, перевод, реакция, восприятие, соперничество, цитирование, реконтекстуализацию – причем все это могло случаться одновременно», с. 2), передается основное содержание вошедших в книгу статей, подводятся итоги (потому-то, кстати, труды подобного жанра не имеют заключений: их результаты обозначаются уже во введениях), которые в конечном счете сводятся к указанию дальнейших наиболее перспективных тем для исследования по «геродотовской» проблематике: «рукописная традиция “Истории”»; роль переводов в рецепции “Истории”»; рецепция “Истории” в изобразительных искусствах с античности поныне; использование “Истории” в образовательных и школьных делах; место Геродота в спорах о природе и цели историописания; использование “Истории” как побуждения для путешествий, описаний путешествий и отчетов о них; история сравнения Геродота и Фукидида; отношение “Истории” к современной дисциплине антропологии; взаимодействие между биографической традицией о Геродоте и рецепцией “Истории”»; природа и цель фиктивного заимствования материала из “Истории»» (с. 14).

Как легко заметить, тут в основном перечислено то, что в книгу не вошло. Впрочем, есть одно важное исключение, касающееся сравнения Геродота и Фукидида. Перед тем, как говорить о нем, отметим, что рецензируемая работа включает в себя, помимо введения, три части, озаглавленные «Отец истории» (с. 15–166), «Язык, переводы и изучение» (с. 167–297), «Новые нарративы и жанры» (с. 299–388). Деление, как легко увидеть, является в достаточной мере субъективным и даже, мы бы сказали, неудачным (что будет видно из последующего рассмотрения).

¹Ранее она опубликовала монографию о рецепции «Истории» Геродота в эпоху эллинизма (Priestley 2014).

Первая часть как раз и открывается статьей «Геродот у Фукидида: гипотеза» (с. 17–33), автор которой — польский ученый М. Венцовский². Тема «Геродот и Фукидид» чрезвычайно востребована³, ей была посвящена даже специальная коллективная монография⁴. Анализируется данная тема преимущественно в двух своих (на самом деле взаимосвязанных) аспектах: с одной стороны, проводится сравнение двух великих исторических трудов классической эпохи, отмечаются черты как сходства, так и (по большей части) различия в мировоззрении авторов, в их подходе к источникам, в понимании предмета исследования, в композиции, в языке, и проч., и проч. (основы подобной компаративистики были заложены уже в античности Дионисием Галикарнасским и Плутархом). С другой стороны, предпринимаются попытки отыскать следы влияния (в позитивном или негативном смысле) Геродота на Фукидида; их приходится именно отыскивать по косвенным данным, поскольку, как известно, напрямую имя Геродота Фукидид нигде не упоминает, а в то же время несомненно, что последний прекрасно, до деталей, знал геродотовский трактат и писал свой, с одной стороны, как его продолжение, с другой же — как его критику.

Венцовский затрагивает именно этот второй аспект, что и естественно в контексте книги о рецепции Геродота. Начинает он свою работу с утверждения, что для современного ученого, настроенного, как правило, гиперкритически, сама попытка изучать отношение Фукидида к Геродоту, читать двух авторов параллельно выглядит чистой спекуляцией, «поиском химеры» (с. 17), а далее решительно возражает против такой позиции, подчеркивает, что «связный анализ рецепции Фукидидом Геродота насуточно необходим для понимания труда Фукидида» (там же); с этим можно только солидаризироваться.

Далее следует детальная демонстрация высказанного тезиса, в основном посредством сопоставления композиционных особенностей двух «Историй». Фукидид, как бы подхватывая (после своих методологических и иных вступительных рассуждений, включающих так называемую «Археологию») нить изложения на том месте, где ее прервал Геродот, пишет краткую историю Пентеконтаэтии⁵ и при этом уже тут противостоит своему предшественнику, соперничает с ним.

Труд Фукидида написан более профессионально, более, так сказать, специально, нежели труд Геродота. Венцовский справедливо приводит в данной связи соображения Р. Уоллеса⁶ об общем возрастании специализации во всех сферах афинской культуры IV в. до н.э. по сравнению с предшествующим столетием. Фукидид выступает как предтеча подобной тенденции⁷. «В отличие от своего предшественника, Фукидид уже не интересуется всей полнотой и красочностью дел человеческих... Фукидид решил изолировать и разоблачить одну частную сферу человеческой деятельности, которую он считал не просто главной и важнейшей, но даже достаточной для того, чтобы дать своей аудитории доступ к истинному знанию мира людей, а именно военно-политическую область» (с. 30). Мысль на самом деле далеко не новая, встречавшаяся нам неоднократно⁸, но от этого не перестающая быть вполне верной.

Пожалуй, мы несколько увлеклись изложением содержания одной статьи, входящей в рецензируемый сборник, — но это просто потому, что уж очень близок нам ее предмет. В дальнейшем ограничимся более краткими замечаниями по остальным работам.

Статья В. Зали «Геродот и его преемники: риторика Персидских войн у Фукидида и Ксенофонта» (с. 34–58) освещает именно тот конкретный вопрос, который обозначен в ее заголовке. Если об отношении Ксенофонта к персам писалось неоднократно⁹, то проблема «Фукидид и персы, Фукидид и варвары» гораздо реже привлекает внимание исследователей. Да это и не удивительно: «варварская» тема в фукидидовском труде занимает место незначительное,

² В предыдущих своих публикациях он фигурировал как Węcowski (Węcowski 2008; 2013), а на сей раз значится в рецензируемой книге как Wecowski.

³ См. хотя бы Sealey 1957; Hunter 1982; Cobet 1986; Rogkotiś 2006; Bringmann 2006; Węcowski 2008; Thompson 2009; Muhlack 2011; Grethlein 2011; Rusten 2013; Raaflaub 2016. Автор этих строк также затрагивал ее: Surikov 2011, 60–76, 161–178; 2015, 327–352, 645–657.

⁴ Foster, Lateiner 2012.

⁵ Об этих сюжетах у Фукидида см. Badian 1993; Will 2003.

⁶ Wallace 1995.

⁷ Может быть, самый первый ее предтеча даже не Фукидид, а его учитель Антифонт, о котором см. Gagarin 2002; Surikov 2014.

⁸ См. хотя бы Momigliano 1977, 142; Hart 1982, 179; Legon 1997; Surikov 2011, 149–160.

⁹ Этому предмету посвящены, например, несколько глав в монографии Georges 1994.

несравненно меньшее, нежели в геродотовском, поскольку афинского историка интересуют в первую очередь внутригреческие, а не греко-персидские отношения.

Сама Зали отмечает различие в использовании Фукидидом и Ксенофонтom нарратива Геродота о войнах с Персией, но также отмечает: «Несмотря на различный подход и исторический фон, Фукидид и Ксенофонт ценят прошлое и подчеркивают важность моральных устоев. В то же время оба историка основываются на методе Геродота... Поскольку Фукидид и Ксенофонт перечитывали “Историю”¹⁰ (последний, в числе прочего, через “фукидидовский” фильтр) и поскольку они используют материал из “Истории” оформляя свои нарративы... как ответы на геродотовский текст, они подтверждают значимость такого прошлого для взгляда в будущее».

В статье К. Бэрона¹¹ «Дурид Самосский и геродотовская модель историописания» (с. 59–82) заходит речь о достаточно видном историке периода эллинизма¹². Автором подчеркивается, что Дурид работал в ключе именно геродотовской, а не фукидидовской традиции исторической мысли¹³. Укажем, со своей стороны, что, напротив, в основном по стопам Фукидида шел Полибий, однако работы, посвященной этому последнему, в рецензируемом сборнике не имеется.

Посему следующим автором, подвергшимся влиянию Геродота, предстает в книге Иосиф Флавий (статья Э. Элмагора «“Вот что сообщает Геродот”: присутствие “Истории” Геродота в сочинениях Иосифа», с. 83–100). Выводы автора таковы: «Геродот не просто читался Иосифом; его присутствие в сочинениях последнего ощущается во многих пассажах – в тематике, стиле, языке или аллюзиях» (с. 100). Иосиф вполне мог бы назвать Геродота «отцом истории», как это ранее сделал Цицерон.

Исследователи, тексты которых разбирались выше, не принадлежат к числу особенно известных. В противоположность этому имя ученого, который будет назван далее, вряд ли кому-нибудь из антиковедов незнакомо: это Джон Маринкола, один из крупнейших ныне в мире специалистов по древнегреческим историкам¹⁴. В последние годы он особенно интересуется взаимодействием историографии и риторики в греческой античности¹⁵ и, как одним из частных случаев таковой проблематики, риторикой Греко-персидских войн у Геродота¹⁶. Именно с вышеназванным сюжетом связана та статья Маринколы, которая вошла в рецензируемый сборник. Названа она несколько провокативно: «История без злокозненности: Плутарх пересывает Платейскую битву» (с. 101–119). «Злокозненность» упомянута здесь, разумеется, не случайно: имеется в виду известный «антигеродотовский» трактат Плутарха, крайне тенденциозный и субъективный, даже в чем-то, так сказать, злобный¹⁷.

Главная особенность современного состояния источников о Платейской битве, безусловно, заключается в следующем: относительно недавно были опубликованы новонайденные, значительные по объему фрагменты поэмы великого лирика Симонида Кеосского, посвященной как раз сражению при Платеях. Эти тексты поставили весь вопрос во многом в новую перспективу¹⁸. Между Симонидом и Геродотом в описании данного ключевого для греко-персидских войн события имеются существенные расхождения. Они лежат не только в стилистической плоскости (ясно, что историк, писавший прозой, избегал чрезмерных словесных красот, а поэт, напротив, сознательно их нагнетал), но и в сфере содержательной. Неодинаково изображены некоторые конкретные детали. Характерный пример – оценка роли коринфян в битве, на что нами уже обращалось внимание¹⁹. Причем из двух версий явно ближе к истине та, которая представлена у Симонида; Геродот же в данном случае пользовался тенденциозной афинской традицией, враждебной по отношению к Коринфу.

Впрочем, у Маринколы Симонид почти не упоминается, а главная мысль разбираемой его статьи заключается в том, что у Плутарха взгляд на греко-персидские войны более «панэллин-

¹⁰ Имеется в виду «История» Геродота.

¹¹ Ранее издавшего монографию о Тимее из Тавромения, стоящем на грани классической и эллинистической историографических традиций (Baron 2013).

¹² О Дуриде см., например, Consolo Langher 2005.

¹³ Различия между этими двумя традициями очень четко прослеживаются в Momigliano 1990, 29–53.

¹⁴ Особенно полезен его обобщающий труд: Marincola 2001.

¹⁵ Marincola 2007a; 2007b; 2010.

¹⁶ Например, Marincola 2016.

¹⁷ В связи с ним см. еще Pelling 2007.

¹⁸ См. прежде всего Boedeker 2001. Ср. также сопоставление данных Симонида и Геродота в связи с битвой при Фермопилах: Flower 1998; Vannicelli 2007.

¹⁹ Surikov 2011, 294–325.

ский» (с. 116), чем у Геродота. У херонейского моралиста Эллада поднялась в едином порыве против варварского вторжения, в то время как галикарнасский историк трезво разбирает, какие полисы заняли антиперсидскую позицию, какие — проперсидскую и т.п.

Далее идет статья Б. Эрли «Геродот в ренессансной Франции» (с. 120–142), которая для нас слишком специальна по тематике и далека от античности как таковой, а за ней — статья Н. Морли «Анти-Фукидид: Геродот и развитие современной историографии» (с. 143–166), эпиграфами к которой парадоксальным образом поставлены рядом высказывания известного интеллектуала XIX в. Томаса де Куинси и Робина Коллингвуда, чьи пассажи о Геродоте и Фукидиде стали хрестоматийными.

Здесь перед нами отнюдь не историографический очерк, а серия наблюдений (в общем-то опять же отнюдь не оригинальных) о том, как в XIX в., в пору господства позитивизма в исторической науке, Фукидид активно «поднимали на щит», а «отца лжи» Геродота, напротив, подвергали всяческому презрению, в XX же веке ситуация постепенно стала сильно изменяться: Фукидид был «сброшен с пьедестала» (в знак протеста против взглядов Ранке²⁰) и на оный начали возводить Геродота (Коллингвуд сыграл важную роль в этом процессе, но мы на месте автора указали бы и на вклад историков школы «Анналов», привлечших внимание коллег к «структурам повседневности», для понимания которых Геродот действительно дает много, в отличие от Фукидида).

На этом завершается первая часть книги и начинается вторая; вошедшие в нее работы можно назвать более специальными по тематике. Она открывается статьей О. Трибулато «Рецепция Геродота в древнегреческой лексикографии и у грамматиков: от эллинизма до эпохи Империи» (с. 169–192). Труды такого характера, как позднеантичные лексиконы, грамматические трактаты (а также схолии), — важный, пока еще недостаточно изученный тип источников²¹, особенно ценный, как известно, тем, что в соответствующих трудах много цитат из самых разнообразных более древних авторов (собственно, сборники фрагментов историков, философов, поэтов в весьма значительной степени опираются на такие цитаты).

Геродот, по нашим наблюдениям, был несмотря на восторженные отзывы Дионисия Галикарнасского о нем не в самом большом почете у лексикографов и грамматиков (к тому же Фукидиду обращались гораздо чаще). Скорее всего это связано с тем, что он писал не на аттическом диалекте. Как бы то ни было, наблюдения Трибулато во многом согласуются с нашими: «Лексикографы считали Фукидиду одним из высочайших аттических авторитетов, но все-таки оставляли место и для Геродота (всего лишь, и не более того. — И.С.): они или не критиковали его, или активно поддерживали его язык как допустимую лингвистическую модель» (с. 191).

Хронологические рамки следующей статьи (Ф. Расин, «Репутация Геродота в латинской литературе от Цицерона до XII в.», с. 193–212) предельно широки. Они включают, как можно видеть из заголовка, латиноязычных авторов Поздней республики, всего периода Империи и значительной части средневековья (на протяжении которого, заметим, в Западной Европе геродотовский труд могли воспринимать лишь опосредованно, поскольку *Graeca non leguntur*). Вполне естественно, что анализ автором начат с Цицерона (ведь именно он наградил Геродота прижизненным эпитетом «отец истории»). А завершается он такими писателями, как, например, Абеляр, Иоанн Солсберийский и т.п. Общий вывод автора статьи заключается в том, что на протяжении взятого им для рассмотрения длительного периода рецепируемый текст Геродота подвергался постоянной смысловой редукции.

Хотелось бы заметить, что в коллективном труде, о котором идет речь, не лишней оказалась бы работа о рецепции геродотовского труда в Византии²². Вот там-то как раз никакого редукционизма быть не могло, поскольку языкового барьера не существовало и притом существовала богатейшая гуманитарная литература²³. К сожалению, такой работы в книге не оказалось (не нашли специалиста?).

Затем идут статьи Э. Фоли (с. 213–231) о восприятии Геродота Лоренцо Валлой (именно этот итальянский гуманист сделал перевод «Истории» на латинский язык, с чего и началось активное ознакомление интеллектуалов Европы с геродотовским трудом), Д. Луни (с. 232–253) об образах из Геродота у итальянского же поэта XV в. М. Бойярдо, А. Шваба (с. 254–277) об

²⁰ Заметим, этот протест против крайностей позитивизма Ранке высказывался даже некоторыми из историков, которые в общем считали себя последователями этого ученого; см. Lamprecht 1988, 136 ff.

²¹ В качестве «подступов» к его исследованию см. Dickey 2007; Kaldellis 2012; Valente 2015; Tosi 2015.

²² Есть, между прочим, работа о рецепции Фукидида в Византии: Reinsch 2006.

²³ Wilson 1996; Kaldellis 2012.

использовании геродотовских пассажей об Египте французом Д. В. Деноном, сопровождавшим Бонапарта в его египетской экспедиции.

Вот тут как раз у нас есть повод высказаться о непоследовательности композиции рецензируемого труда. Станным образом в этот в общем-то связный и хронологически организованный блок статей не попала та, которая посвящена рецепции Геродота в ренессансной Франции (ее автор Б. Эрли), которую нам пришлось упомянуть выше, поскольку она почему-то оказалась не во второй, а в первой главе.

Интересна по замыслу статья Б. Э. Стивенса «Не выше Геродота? Эксперимент Псамметиха и современные мысли о языке» (с. 278–297). Тут следует напомнить, что за эксперимент имеется в виду. Соответствующий эпизод фактически открывает собой вторую книгу геродотовской истории (знаменитый «египетский логос»). Якобы фараон Псамметих, основатель Саисской династии, решил однажды узнать, какой народ и какой язык древнее всех на свете. Для этого были изолированы два младенца (с ними было строго запрещено общаться вербально), дабы узнать: какое слово они сами скажут первым? Таковым оказалось некое «бекос», созвучное фригийскому обозначению хлеба, из чего Псамметихом-де и был сделан вывод, что фригийцы древнее самих египтян. Стивенс указывает, что этот на первый взгляд наивный рассказ «отца истории» (как это могут дети заговорить, если с ними никто не общается?) в определенной степени коррелирует с данными недавних психологических исследований. В частности, делается ссылка на наблюдение, согласно которому глухонемые дети, которых не обучали специально языку жестов, сами вырабатывали таковой в процессе общения друг с другом. Таким образом, «и современные исследователи, и античный историк предполагают, что естественной или сущностной частью понятия “быть человеком” является обладание языком» (с. 278).

Третья часть рецензируемой книги — самая небольшая по объему, в нее вошло лишь четыре статьи. В первой из них — «Геродот (и Ктесий), заново воспроизведенные: лидерство в “Киропедии” Ксенофонта» (с. 301–321; автор В. Грей²⁴), как можно видеть, появляются уже в заголовке две крупные фигуры греческой историографии IV в. до н.э.: Ктесий Книдский и Ксенофонт. Автора по понятным причинам интересует прежде всего именно последний. Но почему в данном контексте исследовательница обращается к «Киропедии», а не к какому-либо иному труду из обильного наследия Ксенофонта?²⁵ По ее мнению, «Киропедия» лучше всего демонстрирует рецепцию Ксенофонтом Геродота, «поскольку она описывает карьеру Кира Великого Персидского, которая является предметом также и второй половины первой книги Геродота» (с. 301).

Так-то оно так, но, на наш взгляд, жанровые различия имеют большее значение, нежели тематическая близость. «Киропедия» — менее всего исторический трактат; в гораздо большей степени она может быть охарактеризована как этакий «утопический роман». Кстати, труд Ктесия о Персии тоже в известном смысле роман, но иного рода, такое повествование об экзотических диковинках. Наверное, можно сопоставлять между собой эти три произведения (сопоставлять, вообще говоря, можно что угодно с чем угодно) и указывать, что вот о том или ином событии Геродот повествует так-то, а Ктесий — иначе, а Ксенофонт — опять же иначе (такими сопоставлениями полна статья Грей); но плодотворны ли такие компарации? Мы в этом не уверены.

В статье Г. Хоуз «Павсаний и следы Геродота» (с. 322–345) говорится, как понятно из ее заголовка, о крупнейшем эллинском периегете как последователе «отца истории». Нам всегда казалось, что из всех древнегреческих авторов, чьи сочинения сохранились, Павсаний как-то особенно близок к Геродоту целым рядом черт своего нарратива. Оба очень любили путешествовать (как говорится, «иди и смотри», а потом уже пиши); оба в этом смысле, так сказать, наследуют традицию великого странника Одиссея, парадигматичную для мировоззрения греков²⁶, — на это, между прочим, обращает внимание и автор статьи, о которой идет речь, в самом

²⁴ Она является ныне одним из крупнейших специалистов по Ксенофону (Gray 2004; 2007; 2010). Впрочем, занималась она и Геродотом, в частности, краткими экскурсами в его труде (Gray 2002).

²⁵ Нам казалось бы более уместным обратиться к «Греческой истории» Ксенофонта, как к труду, сходному по жанру с «Историями» Геродота и Фукидида, так что их сравнение относительно корректно. И такое сравнение может принести интересные результаты. Приведем хотя бы такой пример: Ксенофонт в указанном сочинении вообще не ссылается на свои источники (Rhodes 2007, 60), в то время как два его великих предшественника это, безусловно, делают (Геродот в большей степени, Фукидид в меньшей).

²⁶ О Геродоте как «наследнике Одиссея» см. Surikov 2009. Павсаний — личность того же типа (о Страбоне, например, мы такого бы не сказали, это скорее «кабинетный ученый»).

ее начале (с. 322). Геродот, по мнению Хоуз, тоже в каком-то смысле переигрет; более того, он «гигант жанра периегезы» (с. 337). Павсаний прекрасно знал геродотовский текст, во многом придерживался и геродотовских подходов.

Далее следуют две заключительные статьи. Они посвящены рецепции «Истории» Геродота в литературе современного Запада: в статье К. Космалы (с. 346–366) речь идет о польском журналисте Р. Капушинском (1932–2007), а в статье Х. Нейлсон — о куда более известном американском писателе Г. Видале (1925–2012). Вновь и вновь обратим внимание на то, как прихотливо, в определенной мере необъяснимо разбросаны статьи по книге. Нам представлялось бы куда более правомочным расположить их в более или менее правильном хронологическом порядке. Или, по крайней мере, поместить статьи о рецепции Геродота в античности вначале, а уже после них дать работы, посвященные его же рецепции в послеантичные времена.

Как бы то ни было, рецензируемый сборник следует признать полезным. Оригинальных идей в нем, может быть, не столь уж и много; но ведь давно уже известно, что книги жанра Companion имеют не строго научный характер, их задача — не исследование как таковое, а скорее ознакомление достаточно широкого образованного читателя с результатами предшествующих исследований по той или иной проблеме. Данная задача в работе, о которой шла речь, в основном успешно реализована.

Литература / References

- Badian, E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore.
- Baron, C.A. 2013: *Timaeus of Tauromenium and Hellenistic Historiography*. Cambridge.
- Boedeker, D. 2001: Heroic historiography: Simonides and Herodotus on Plataea. In: D. Boedeker, D. Sider (eds), *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford, 120–134.
- Bringmann, K. 2006: Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v. Chr. In: D. Hein, K. Hildebrand, A. Schulz (Hrsgg.), *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag*. München, 3–14.
- Cobet, J. 1986: Herodotus and Thucydides on war. In: I. S. Moxon, I. D. Smart, A. J. Woodman (eds), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 1–18.
- Consolo Langher, S.N. 2005: Polibio e gli storici contemporanei di Agatocle (Duride tra Polibio e Diodoro). In: G. Schepens, J. Bollansée (eds), *The Shadow of Polybius: Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography*. Leuven–Paris–Dudley, 165–181.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Flower, M.A. 1998: Simonides, Ephorus, and Herodotus on the Battle of Thermopylae. *Classical Quarterly* 48, 2, 365–379.
- Foster, E., Lateiner, D. (eds) 2012: *Thucydides and Herodotus*. Oxford.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Georges, P. 1994: *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore.
- Gray, V.J. 2002: Short stories in Herodotus' Histories. In: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees (eds), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 291–317.
- Gray, V.J. 2004: Xenophon. In: I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie (eds), *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*, Vol. 1. Leiden–Boston, 129–146.
- Gray, V.J. 2007: Narrative manner and Xenophon's more routine *Hellenica*. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 2. Oxford, 342–348.
- Gray, V.J. 2010: Introduction. In: V. J. Gray (ed.), *Xenophon*. Oxford, 1–28.
- Grethlein, J. 2011: *Historia magistra vitae* in Herodotus and Thucydides? The exemplary use of the past and ancient and modern temporalities. In: A. Lianeri (ed.), *The Western Time of Ancient History: Historical Encounters with the Greek and Roman Pasts*. Cambridge, 247–263.
- Hart, J. 1982: *Herodotus and Greek History*. London.
- Hunter, V. 1982: *Past and Process in Herodotus and Thucydides*. Princeton.
- Kaldellis, A. 2012: The Byzantine role in the making of the corpus of classical Greek historiography: a preliminary investigation. *Journal of Hellenic Studies* 132, 71–85.

- Lamprecht, K. 1988: *Alternative zu Ranke: Schriften zur Geschichtstheorie*. Leipzig.
- Legon, R.P. 1997: Thucydides and the case for contemporary history. In: *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan*. Claremont, 3–22.
- Marincola, J. 2001: *Greek Historians*. Oxford.
- Marincola, J. 2007a: Speeches in classical historiography. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 1. Oxford, 118–132.
- Marincola, J. 2007b: The Persian Wars in fourth-century oratory and historiography. In: E. Bridges, E. Hall, P. J. Rhodes (eds), *Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 105–125.
- Marincola, J. 2010: The rhetoric of history: allusion, intertextuality, and exemplarity in historiographical speeches. In: D. Pausch (ed.), *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. Berlin–New York, 259–289.
- Marincola, J. 2016: The historian as hero: Herodotus and the 300 at Thermopylae. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 146, 2, 219–236.
- Momigliano, A. 1977: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford.
- Momigliano, A. 1990: *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley.
- Muhlack, U. 2011: Herodotus and Thucydides in the view of nineteenth-century German historians. In: A. Lianeri (ed.), *The Western Time of Ancient History: Historiographical Encounters with the Greek and Roman Past*. Cambridge, 179–209.
- Pelling, C. 2007: *De Malignitate Plutarchi*: Plutarch, Herodotus, and the Persian Wars. In: E. Bridges, E. Hall, P. J. Rhodes (eds), *Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 145–164.
- Priestley, J. 2014: *Herodotus and Hellenistic Culture: Literary Studies in the Reception of the Histories*. Oxford.
- Raaflaub, K.A. 2016: Die große Herausforderung: Herodot, Thukydides und die Erfindung einer neuen Form von Geschichtsschreibung. *Historische Zeitschrift* 302, 3, 593–621.
- Reinsch, D.R. 2006: Byzantine Adaptations of Thucydides. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 755–778.
- Rhodes, P.J. 2007: Documents and the Greek Historians. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 1. Oxford, 56–66.
- Rogkoti, Z. 2006: Thucydides and Herodotus: aspects of their intertextual relationship. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 57–86.
- Rusten, J.S. 2013: ΔΗΛΟΣ ΕΚΙΝΗΘΗ: An 'imaginary earthquake' on Delos in Herodotus and Thucydides. *Journal of Hellenic Studies* 133, 1–11.
- Sealey, R. 1957: Thucydides, Herodotus, and the causes of war. *Classical Quarterly* 7, 1/2, 1–12.
- Surikov, I.E. 2009: *Gerodot [Herodotus]*. Moscow.
- Суриков, И. Е. Геродот. М.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Studies on Historiography in Classical Greece]*. Moscow.
- Суриков, И. Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Surikov, I.E. 2014: [The fate of an intellectual in opposition: Antiphon the Athenian – an orator, sophist, lawyer, and politician]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 13–33.
- Суриков, И. Е. Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик. *ВДИ* 2, 13–33.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia: mentalnost', religiya, kultura [Ancient Greece: Mentalities, Religion, Culture]*. Moscow.
- Суриков, И. Е. *Античная Греция: ментальность, религия, культура*. М.
- Thompson, N. 2009: Most favored status in Herodotus and Thucydides: recasting the Athenian Tyrannicides through Solon and Pericles. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 65–95.
- Tosi, R. 2015: Typology of lexicographical works. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. Vol. 1: History; Disciplinary Profiles*. Leiden–Boston, 622–636.
- Valente, S. 2015: Typology of grammatical treatises. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. Vol. 1: History; Disciplinary Profiles*. Leiden–Boston, 600–621.
- Vannicelli, P. 2007: To each his own: Simonides and Herodotus on Thermopylae. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. 2*. Oxford, 315–321.

- Wallace, R.W. 1995: Speech, song and text, public and private: evolutions in communication media and fora in fourth-century Athens. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 199–217.
- Węcowski, M. 2008: Friends or foes? Herodotus in Thucydides' Preface. In: J. Pigoń (ed.), *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 34–57.
- Węcowski, M. 2013: In the shadow of Pericles: Athens' Samian victory and organisation of the *Pentekontaetia* in Thucydides. In: A. Tsakmakis, M. Tamiolaki (eds), *Thucydides between History and Literature*. Berlin–Boston, 153–166.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Wilson, N.G. 1996: *Scholars of Byzantium*. London.

Igor E. Surikov,
Institute of World History, Russian
Academy of Sciences. Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия